

14-го августа в 2 часа ночи зазвонил телефон. В это время я просматривал в своей комнате книгу об астрономии, изучая перемещения разных двойных звёзд. За окном штормило: в окно бились капли, а ветер неумолимо клонил деревья. Родители были на работе, поэтому я остался дома один. Когда я услышал телефон, то отбросил книгу и помчался вниз по лестнице, чтобы взять трубку. «Алло?» Ответа не последовало. Длинное молчание. Я решил, что это, должно быть, звонок от Хаджикано. Я не мог представить, чтобы кто-то кроме неё сделал бы так. «Это Хаджикано?» – спросил я звонящего. По-прежнему без ответа. Не думаю, что могло снова произойти как тогда, когда два телефона зазвонили одновременно и теоретически разделённые линии каким-то образом соединились. Эта осуждающая тишина оставляла впечатление, что звонящий молчит, осознавая, что на другом конце я. Однако, казалось, это молчание не было вызвано сомнениями по поводу того, сказать что-то или нет, а целенаправленным нежеланием говорить. И вдруг звонок оборвался. «К чему это было?» – удивился я, опустив трубку. Звук дождя казался необычно чётким – я заметил, что оставил окно открытым, и там уже натекло воды. Я закрыл его, вытер образовавшуюся лужу тряпкой и пошёл проверить другие окна. Вернувшись в свою комнату, я снова задумался о том телефонном звонке. И внезапно на меня снизошла мысль. Может, это мне нужно было заговорить. Может, она не молчала, а ждала моих слов. Я забеспокоился. Накинув ветровку поверх рубашки, я вышел без зонтика на улицу и поехал на велосипеде к дому Хаджикано. Я добрался за несколько минут и несколько раз надавил на звонок. Спустя пару секунд показалось лицо Аи. «...А, Ёччан?» – разочарованно произнесла она. Эта реакция только подтвердила моё плохое предчувствие. «Что-то случилось с Юи, да?» – спросил я.

«Да, – кивнула Ая. – Похоже, ты что-то знаешь. Заходи. Я дам тебе полотенце».

«Пожалуйста, давайте поговорим здесь». Она, прежде стоявшая полуоборотом, повернулась ко мне и вздохнула. «Кажется, Юи пропала. Прошлой ночью она, как обычно, ушла из дома и не вернулась. Конечно, одно это не стоит волнений. Для неё не редкость отсутствовать целый день, может, она припозднилась из-за дождя. ...Но в этот раз я предчувствую нехорошее». После некоторого раздумья я заговорил: «Чуть ранее мне домой позвонили и молчали в трубку. У меня нет доказательств, но я думаю, что это была Юи. После где-то двухминутной тишины звонок неожиданно прервался». «Если это была Юи, значит, сейчас она в безопасности...» – Ая с облегчением прикрыла глаза. «А что за плохое предчувствие?» «Если вдуматься, прошлой ночью она вела себя странно, – сказала Ая, наблюдая за дождём снаружи. – Мне довелось столкнуться с ней на кухне, когда она уходила. Я проголодалась и решила поживиться чем-нибудь в холодильнике, а она направлялась к задней двери. Обычно Юи бы просто отвернулась от меня, но вчера было по-другому. Она остановилась у двери на кухню и уставилась на меня, промаргиваясь, будто увидела что-то невероятное. Я притворилась, что не замечаю. Секунд через десять она перестала на меня смотреть и пошла к чёрному ходу, но склонила голову, будто прощаясь. ...Ты понимаешь, насколько это необычно, да, Ёччан?» «Юи ничего тогда не сказала?» «Неа, ни слова, – выражение лица Аи чуть затуманилось. – Ах, может, я просто накручиваю себя, но... Моя одноклассница, когда умерла, была такой же». «Одноклассница?» – переспросил я.

«Мне пришлось бы так или иначе признать это, но мы плохо ладили. Она меня ненавидела, и мне это не нравилось, поэтому я тоже её недолюбливала. На втором году средней школы, где-то осенью, она вдруг перестала ходить на уроки. Тогда, спустя месяц, она позвонила мне и только и делала, что говорила. Я хотела спросить, почему она не ходит в школу, но ей, очевидно, не хотелось бы этого слышать, поэтому я не стала. И перед тем, как повесить трубку, она сказала нехарактерное для неё: "Спасибо за сегодня". И вот». «Что вот?» «Через несколько часов после звонка она убила себя, – голос Аи не дрогнул. – Её нашли повесившейся на дереве у моря. Ни записки, ничего. Спустя несколько дней я поняла: "Ах, так этот звонок был знаком". Это "спасибо" оказалось её последними словами». Я переварил её слова и спросил: «Мисс Ая, вы думаете, что Юи собирается убить себя?» Если подумать логически, это не представлялось возможным. В последнее время Хаджикано, казалось, становилась

только счастливее. Разве она не наслаждалась, наблюдая за Персеидами? Почему она хочет совершить суицид именно в этот раз? Нет, или, может... Я задумался. Возможно, Хаджикано казалась счастливее, потому что уже решила, когда сделает это? Она могла непринуждённо насладиться моментом оттого, что знала, что в ближайшие дни покинет этот мир? «Не знаю, – покачала Ая головой. – Это просто предположение. Я написала заявление о пропаже, но его не восприняли всерьёз. Сейчас наши родители заняты её поиском».

«Тогда мы тоже должны искать Юи, – предложил я. – Чем больше, тем лучше. Я ещё позвоню друзьям. Извините, но не мог бы я воспользоваться вашим телефоном?» «Говори, сколько хочешь, – она повернулась и указала на телефон в прихожей. – Но, извини, я к этому не присоединюсь». Я как-то сурово ответил ей: «Некогда упираться. Гарантирую, если вы ничего не сделаете и Юи убьёт себя, вы будете раскаиваться. Может, спустя дни или года, но вы будете сетовать на то, что так поступили сейчас. Вы не настолько ненавидите свою сестру, насколько думаете». «Конечно я это знаю, – сказала Ая, и голос её погрубел. – Но я жду звонка от неё. Поэтому я не могу оставить это место». «Вы точно уверены, что она собирается сюда позвонить?» «Нет. Но сейчас бесполезно идти искать. Если она действительно хочет умереть, то мы не сможем её остановить. Она очень умная девочка и не позволит никому себя найти. Она могла долго готовиться, прежде чем убить себя. ...Но если у неё есть сомнения, не думаешь, что она может позвонить сюда, как она позвонила тебе, Ёччан? Если размышлять таким образом, лучше всего мне будет ждать здесь её звонка». Я и Ая недолго смотрели друг на друга. Мне гадко было это признавать, но это имело смысл. Если Хаджикано не хочет быть найденной, не уйдут ли наши поиски впустую? Неужели мы можем только ждать, пока её решимость дрогнет, и стараться не пропустить момент, когда она склонится в нашу сторону? Но я один раз уже его упустил. Шансы того, что мы дождёмся, когда это повторится, малы. Что означает, что нам нужно что-то предпринять. Я прошёл мимо Аи к телефону и набрал Хинохаре домой. Десять гудков спустя ответил его брат. Я спросил, дома ли Хинохара, и он ответил, что нет. Когда я поинтересовался, не знает ли он, где его брат, он прямо ответил: «Да чёрта с два я знаю!» – и сбросил. Непохоже было, что он пошёл настраивать телескоп в такую погоду, а других версий у меня не было. Когда же я позвонил Чигусе, она оперативно ответила сама. «Нет времени ударяться в детали, – сказал я сперва. – Хаджикано пропала. Помоги мне её найти». «Эээ... Фукамачи, это ты, да?»

«Ага. Прости, что заставляю выйти под дождь, но будь готова в кратчайшие сроки». «С Хаджикано что-то случилось?» «Не знаю. Но её старшая сестра говорит, что у неё плохое предчувствие, и я с ней солидарен. Но, по правде говоря, я был свидетелем её попытки самоубийства. Она может попытаться снова». Я подумал, что это заставит Чигусу согласиться без лишних слов. Но так не произошло. Она молчала, будто время на том конце провода остановилось. «Что такое? Почему ты ничего не говоришь?» «Эм, Фукамачи, – спокойно произнесла Чигуса. – Пожалуйста, не ненавижь меня за это. Я сейчас скажу кое-что подлое». «Нет времени разглагольствовать о...» «Давай оставим Хаджикано в покое». Сперва я решил, что ослышался. Нет, больше похоже на то, что мой мозг отказался обработать это. Потому что Чигуса, которую я знал, никогда бы так не сказала. «Что ты сказала?» – спросил я, осознавая, что это бессмысленно. Чигуса не ответила на это и монотонно произнесла: «Скажи, Фукамачи, ты знаешь, что ведьма предложила сделать русалочке, если другая девушка выйдет замуж за принца?» «Что за хрень ты несёшь?» «Убить принца кинжалом. Если она пронзит его сердце и пустит кровь, её ноги превратятся в хвост, и она сможет снова жить как русалка, – самостоятельно ответила она. – Вспомни пари, которое ты принял. Что станет с условиями, если Хаджикано, хранительница ключа, умрёт? Достигнет ли твоя любовь желанного результата или навечно станет тайной, и пари не состоится? Разве это не спасёт твою жизнь?» «Погодь, – вскричал я, прервав её, – почему ты знаешь о сделке, Огиэ? Я никому не рассказывал...»

Конечно же, нет ответа. «К счастью, Хаджикано желает собственной смерти. Тебе нужно лишь отнестись с уважением к её решению. Нет нужды использовать кинжал

самостоятельно. Вдобавок, – она прочистила горло, – Фукамачи, ты действительно веришь, что родимое пятно – единственная причина отчаяния Хаджикано?» «...Неужели оно связано с тем, что произошло в те "непонятные четыре дня"?» «Именно, – подтвердила Чигуса, – своей смертью она искупит кое-какой грех». «Эй, Огизэ, слушай меня, – взмолился я. – Мне всё это очень интересно, и у меня много вопросов, например, о том, откуда ты всё это знаешь. Но, пока мы говорим, Хаджикано, возможно, идёт прямо на смерть. Я должен найти её».

«Раз так, – сказала Чигуса разочарованно, – тогда я буду молиться, чтобы ты её не нашёл».

Звонок завершился. В моей голове роились бесчисленные сомнения, но я сдержал их и вышел из дома Хаджикано. Прежде всего я направился в гостиницу Масукава и обыскал каждый уголок, каждую трещинку, но не обнаружил признаков Хаджикано. Я обошёл прихрамовый парк, лес, Первую старшую Минагисы, нашу старую начальную школу, станцию Чакагава – все места, с которыми она могла иметь приятные воспоминания. Время шло, ливень усиливался, и я промок так, как в тот раз, когда упал в бассейн, кроссовки испачкались настолько, что нельзя было сказать, какого цвета они были изначально. Тем не менее, нигде, куда я заглядывал, Хаджикано не было. Как Ая и сказала, если она действительно хотела убить себя, будучи необнаруженной, то остановить её было невозможно. Нет... Вероятно, понимаю я Хаджикано лучше, то смог бы понять, куда она пошла. Но я не понимал. В конце концов, полагаю, я не понимал и половины того, о чём она думает. Я в последний раз проверил Масукаву, только её там не было. Я вернулся в дом Хаджикано около 2-х ночи. Я стеснялся звонить в звонок, поэтому тихонько постучал в дверь. Ая быстро ответила. Увидев моё лицо, она покачала головой. «Звонка не было?» «Неа, – обессилено мотнула головой Ая. – А что ты?» «Всё ещё не нашёл её. Думаю, можно ещё раз пройтись по предполагаемым местам». «Хватит. Разве ты не замучился? – жалостливо заметила она. – Передохни. Можешь принять душ. Снимай мокрую одежду. Наденешь отцовскую».

«Спасибо вам огромное. Но нет. В любом случае она просто снова вымокнет». Ая сжала мои плечи: «Послушай, прервись хоть на полчаса. Ты знаешь, какого цвета у тебя лицо? Ты похож на ходячий труп». «Я таким родился. Всегда так было». Стряхнув Аю, я вернулся под дождь. Я продолжал искать до рассвета, но не нашёл Хаджикано. Я пошёл домой, минуя школьников, занимающихся утренней гимнастикой. Только дома, сняв мокрую одежду, полностью осознавая абсурдность момента, я позвонил Чигусе. Я хотел узнать остальную часть разговора. У меня были тысячи вопросов. Но получил я лишь десять длинных гудков и ни одного ответа. Ещё никто не встал? Или они уже ушли? Я сдался и положил трубку. Я разделся, принял душ и долго отмокал в горячей ванне. Голова пустовала. Выйдя, я надел пижаму, поел холодного риса из рисоварки, осторожно и тщательно почистил зубы и лёг на футон. Я думал, что не усну в подобной ситуации, но сознание тут же упорхнуло от меня, и я спал мёртвым сном пять часов. Пронзительный луч света прорвался сквозь занавески и разбудил меня. Погода, ярко контрастируя со вчерашним днём, была ясная и приятная. Голова болела так, словно мне требовалось ещё три часа сна, но я воспротивился и сел на футоне. Мне казалось, будто всё это было всего лишь плохим сном, но в то же время я понимал, что всё взаправду. Я спустился вниз по лестнице к телефону, позвонил домой к Хаджикано, и на втором гудке Ая мне ответила. «Я буквально только что собиралась позвонить», – сказала она удивлённо. «Означает ли это, что мы продвинулись?» «Да, – её голос казался измученным. – ...Худшего удалось избежать. Юи нашли живой». Я выдохнул с облегчением и повалился на пол. Но её слова не звучали полностью обнадеживающе. Словно у неё были хорошая и плохая новость, но сказала она мне только хорошую. «Худшего удалось избежать... однако что-то плохое всё же случилось. Я прав?» «Прав, – подтвердила Ая, – наше плохое предчувствие было верным. На рассвете Юи бросилась в беснующееся море».

Я вскрикнул. Море. Я совершенно проглядел его. Почему я не поискал там? Может, её первая попытка произвела на меня настолько сильное впечатление, что я был уверен, что она опять выберет повешение. Или, может, пляж был для меня слишком знакомым местом.

«Это невозможно объяснить ничем, кроме как чудом. К счастью, её вынесло волной на

берег. Рано утром её нашла пожилая пара, прогуливавшаяся по берегу. Они сразу позвонили 119, и у женщины был опыт спасателя, поэтому она смогла оказать первую помощь прежде, чем прибыла скорая. Юи только что пришла в сознание, поэтому находится в состоянии сильного замешательства. Но она может говорить, что значит, что мозг серьёзно не повреждён. ...Нам только сказали не навещать её некоторое время. Раз семье нельзя, значит, тебе ещё строже, Ёччан». Я слушал её, затаив дыхание. Я не был уверен, что чувствовать. Должен ли я быть рад, что Хаджикано в порядке, расстроен её попыткой самоубийства или благодарен счастливому случаю? «Что вы собираетесь делать теперь, мисс Ая?» «Я только что говорила об этом с родителями. Мы решили, что, когда Юи выпишут из больницы, она должна будет поехать к бабушке восстанавливаться. Ей нужно немного пожить отрезанной от остального мира». «Ясно... Должно быть, так будет лучше». Ая стала утешать меня: «Эй, Ёччан, думаю, ты поступил хорошо. Как бы грубо ни отвергла тебя твоя давняя подруга Юи, это тебя не сломило. Ты не ускорял события, однако продолжал мирно уговаривать её на оправданной дистанции. Ваши отношения зашли аж до её ночных прогулок с тобой. Более того, ты смог сдружиться с Юи. Я, наблюдая за этим вблизи, убедилась, что эта задача была под силу лишь тебе, Ёччан. Другими словами, неважно, как сильно будут стараться другие, они не исцелили бы её от саморазрушения. Может, только этого достаточно». «Спасибо вам огромное, – сказал я, но знал, что придётся добавить, – и простите». «Я же сказала тебе, что не за что извиняться», – измождено рассмеялась она. Как только звонок окончился, я, не медля, позвонил Чигусе. Мне нужно было спросить её о её детальной осведомлённости о моём пари. В моей голове, возможно, когда я спал, сформировалась теория о том, почему информация о нём её достигла. Чигуса Огиэ прежде заключала это странное пари.

Предположим, что женщина из телефона предлагала сделку не только мне. Может, нескольким людям, а может, тысячам, но она заключала её с другими, и Чигуса – одна из них. И она смогла победить – или нет, однако как-то обошла правила – и успешно выжила. В результате она заметила, что её одноклассник Ёсуке Фукамачи заключил похожее пари. И она знала лазейку в нём. Из всех теорий, которые я мог построить на известных мне фактах, ни одна не казалась правдоподобнее этой. Конечно, могло быть и так, что я пропустил нечто важное. Но даже так теория о том, что Чигуса участвовала в пари, невероятно крепко прилипла ко мне. «Алло? – ответила Чигуса на звонок. – Фукамачи, я полагаю?»

«Правильно. Хаджикано нашлась. Рано утром она прыгнула в море. К счастью, она не умерла, но некоторое время будет сложно видиться с ней». «Ясно», – произнесла Чигуса и больше ничего. Кажется, у неё не было больше мыслей по этому делу. Она была спокойна, будто ожидала этого с самого начала. «Я хочу продолжить наш вчерашний разговор».

«Тогда приходи ко мне домой, пожалуйста. Он будет долгим. И я кое-что хочу тебе показать». «Показать мне?» «Будет лучше, если это произойдёт как можно скорее. Не так много времени осталось». И Чигуса положила трубку. Не так много времени? Я pokrutil шейю. О чём она говорит? Она хочет показать мне что-то, что исчезнет со временем?

В любом случае, я повиновался и направился к ней домой. Много чему наступал конец. На дороге тут и там валялись мёртвые цикады. На их высушенных трупиках копошились муравьи, и издали казалось, будто сама земля шевелится. Большую часть жужжания цикад теперь составляли цуку-цуку боши – приближалось окончание лета. Жаркие дни точно ещё продлятся. Но температура не будет расти. С этого момента она будет только падать.

Войдя в запутанный холмистый жилой район, спустя некоторое время я достиг дома Чигусы. На веранде второго этажа слегка колыхалось на ветру постиранное бельё. Когда я встал перед дверью, чтобы позвонить в звонок, меня позвали из сада. «Сюда». Я повернулся на голос и ступил на ровно состриженный газон. Чигуса ждала меня здесь.

Когда я увидел её тут, сидящую в инвалидном кресле, множество моих сомнений тут же испарилось. «Эй, Фукамачи. Я хочу пойти на пляж», – сказала она, слегка наклонив голову. У её ног лежал маленький белый цветочек.

В начале лета третьего класса я впервые ощутил, каково лежать в больнице. Тогда у меня тоже пострадали ноги. Спускаясь по холму к берегу на велосипеде, я хотел посмотреть, как далеко смогу заехать, не используя тормозов. Как только я докатился до подножия холма и подумал: «Ура, у меня получилось!» – переднее колесо на что-то натолкнулось, и моё тело взлетело в воздух. Я успел повернуть руль, поэтому не приземлился лицом, но моё левое колено, проехавшее по асфальту, очень пострадало. В первой больнице, в которую меня отвели, мне сказали, что это ушиб, но боль была настолько сильной, что я не мог ходить и даже согнуть колено. В другой больнице у меня обнаружили сломанную коленную чашечку, которая срасталась два месяца. Это была моя первая серьёзная травма, и я помню, что моя мама была обеспокоена сильнее меня. Сейчас я мог насладиться больничной жизнью, но, когда я был третьеклассником, никогда не лежавшим в больнице, каждый день, проведённый лёжа в кровати, казался вечностью. Сперва у меня не было мыслей о том, куда девать время, и я просто сидел с ума со скуки. Время будто остановилось для меня. Трёхразовое питание было единственным моим стимулом и удовольствием. Много было простой пищи: маринованная еда, приторная отварная еда, почти безвкусные супы, постная рыба. Но иногда в еде были приправы вроде соуса или кетчупа, и только это удовлетворяло меня на несколько часов. Мой папа покупал мне книги различных направленностей, чтобы развеять мою скуку. Но тогда у меня ещё не было страсти к книгам, и я был тем ребёнком, который с тоской смотрел на них, даже на энциклопедии с картинками. Но, не находя никакого другого занятия, я читал их. Не задумываясь над тем, интересно это или нет, стояще или нет, я просто пробежал взглядом по словам передо мной и разглядывал картинки и фотографии. Занимаясь этим, я постепенно начал получать от этого небольшое удовольствие. Одну книгу я перечитывал раз за разом – ту, где объясняются магические фокусы. Вроде тех, что показывают по телевизору: угадывание случайно вытащенной карты, исчезновение монетки в чашке, левитирующая в воздухе палочка. Там подробно рассказывалось, как эти фокусы делаются и представляются. Эта тема была сложной и запутанной, но у автора, который сам был магом, был очень ровный и легко читаемый слог, и я читал его, словно узнавая другую сторону мира. Задуматься об этом сейчас, больше самих секретов магических трюков меня увлекал взгляд автора на слепые пятна в восприятии людей, которые их наблюдают. Большинство людей более начитанны в сфере романов и рассказов, но мне доставляло удовольствие чтение книги о фокусах. Если бы мой отец тогда дал мне книги по астрономии, оказался бы я её фанатом, как Хинохара? Нет. Я устал от фокусов через месяц-два, поэтому, вероятно, то же самое случилось бы с астрономией. Как бы там ни было, строить подобные предположения бессмысленно. Жизнь, где Ёсукэ Фукамачи полюбил звёзды, и жизнь, которой Ёсукэ Фукамачи живёт сейчас, кардинально отличаются. Может, так он даже не полюбил бы Хаджикано. В палате, в которой лежал я, было ещё четверо детей: три мальчика и одна девочка. У всех были разные травмы, но одинаково серьёзные. У девочки на койке передо мной, как и у меня, была загипсована одна нога – очевидно, сломанная. Её худенькая ножка и толстый многослойный гипс были похожи своей непропорциональностью на клешни краба. Я не мог знать, подавлена она из-за пребывания в больнице или с самого начала имела нелюдимый характер, но у неё всегда был угрюмый вид. Естественно, что я никогда не увижу в больнице вечно улыбающегося долгосрочного пациента. Раз в три-четыре дня приходила её мама. Не так уж и редко. Тем не менее каждый раз, без исключения, через десять минут она говорила: «Ну, твоя мама занята», – и рано уходила, только усиливая чувство одиночества у той девочки. Когда она приходила, девочка старалась извлечь всё из этих десяти минут, жалуясь по любому поводу, чтобы преодолеть лишения пребывания в больнице. Но её мама, вымотанная работой, пропускала всё мимо ушей с уставшим выражением, а затем уходила, извинившись за то, что занята. С этим трудно было поспорить, но мне было интересно, не лучше ли было бы тогда вообще не посещать её. Как только её мать уходила, девочка зарывалась в подушку и

начинала всхлипывать. На меня нападало уныние, когда предо мной разворачивались подобные события. Почему всё должно быть именно так? Почему они не могут быть честнее? Ты не хочешь ругаться, да? Меня воротило от её неловкости – теперь же я думаю, что я раздражался, потому что осознавал, что сам так же неловок. Я ненавидел эту плаксивую девчонку, и она меня тоже ненавидела. Её коробило, что моя мама часто навещала меня и подолгу оставалась. Каждый раз, когда она приходила и меняла цветы или что-то чертила на моём гипсе, девочка смотрела на меня с презрением. Когда время посещений заканчивалось и я оставался один, она долго пялилась на меня. Будто бы говорила: «Не смей забывать этот взгляд». Только тот, кто столкнулся с подобным, действительно поймёт: люди со сломанными ногами ощущают в больнице все виды неудобств и мучений. Если доводить до крайности, то они частично теряют своё человеческое достоинство и становятся крайне слабы. Может, мы с ней сохраняли жизнеспособность, ненавидя друг друга, поэтому могли бороться с этой слабостью. Спустя месяц после моего появления в больнице мы с ней устроили перемирие. Я, как обычно, читал в кровати книгу и тут услышал фестиваль шум из темноты за окном. Придерживая травмированную ногу, я медленно опёрся на другую, чтобы взглянуть в окно. Множество людей шло по дороге в одном направлении. Многие шли с семьями, но было достаточно и школьников в форме, которые возвращались со школы домой. Там было немного детей моего возраста. Но все они смеялись. Наблюдая за идущими по улице людьми, я заметил парочку своих одноклассников. Мне импульсивно захотелось окликнуть их, но я передумал. Может быть, разговор с ними немного разбавил бы моё одиночество. Но, когда они, направляясь на фестиваль, увидят меня в больничном окне, между нами будет проведена черта – так мне казалось. Нет, черта уже есть, подумал я. Просто до этого я игнорировал её существование. Между мной и ребятами из школы уже было непреодолимое расстояние. Пока я лежал в кровати и считал пятна на потолке, они проводили неповторимое время с друзьями, оставляя драгоценные воспоминания. Один я был словно покинут всем миром. Слёзы потекли из моих глаз, прежде чем я осознал это. Я поспешно вытер их, пока ни одна слезинка не скатилась. Я сел на свою кровать, глубоко вдохнул, закрыл глаза и ждал, пока мои слёзные железы не утихомятятся. Вдруг совсем рядом я услышал всхлипы. Это не я неосознанно шмыгал, нет. Я открыл глаза и увидел девочку, лежащую на кровати и смотрящую в окно. Её щеки намокли от слёз. Я понял, что она, должно быть, чувствует себя так же одиноко, как и я. Я подумывал попытаться утешить её, потому что знал, что косвенно так утешу и себя. По существу... трудно помочь себе в своём горе, но успокоить кого-то с похожим расстройством не так сложно. И как только доказываешь кому-то, что с ним можно смириться, успокаиваешься и сам. Я взял с тумбочки носовой платок, вытащил маленький белый цветочек из вазы и согнул его до подходящей длины. Приготовившись, я осторожно ступил на одну ногу и позвал девочку. Она поспешно вытерла слёзы и взглянула на меня. Я вытянул ладони, показывая, что ничего не держу. Она поглядела на мои руки, на лицо и спросила, тихонько шмыгнув: «Что такое?» «А как ты думаешь? – ответил я вопросом на вопрос и сделал лицо попроще, чтобы ослабить её бдительность. Уверен, та улыбка получилась ужасно неловкой. – Скоро увидишь». Я положил платок в левую руку, схватил правой, а затем сдёрнул его и протянул девочке появившийся цветок. Её взгляд затуманился, она пару раз моргнула. И тут же взяла цветок обеими руками и осмотрела с разных углов. Убедившись, что он больше похож на настоящий, чем на искусственный, она с нежностью опустила его в вазочку рядом со своей кроватью. А потом повернулась ко мне, и её распухшее от слёз лицо озарилось улыбкой. С тех пор я раз в день показывал фокус, подготовленный для этой девочки. После ужина она обращалась ко мне и, смиренно сложив руки на коленях, ожидала начала моего представления. Я ковылял на одной ноге к её кровати, садился там на стул и, чуть погодя, представлял фокус, который тайно репетировал до полного отчаяния, так, чтобы выглядело, будто я давно знаком с ним. Независимо от того, чем он заканчивался, она тихонько хлопала. Впоследствии мы стали разговаривать и без всяких фокусов. Большею частью об обыденных вещах вроде того,

насколько вкусной была еда или как нас перевязала медсестра. Лишь однажды девочка упомянула моё родимое пятно. «Видимо, этот синяк никак не хочет пропадать». «А, этот? – я коснулся места, где была родинка. – Он у меня с рождения. Это не травма». «С рождения... – с любопытством повторила она, рассматривая её. – Он не болит и не покалывает, да?» «Не, вообще нет». «Хорошо», – расслабленно улыбнулась она. И ещё... лишь однажды она мне пожаловалась. «Если бы тебе пришлось всю остальную жизнь провести в инвалидном кресле, чтобы ты сделал?» Она спросила меня об этом, когда я направлялся к кровати после фокуса. Я остановился и оперся на подоконник, задумавшись над её словами. «Не знаю. Никогда об этом не думал. Почему ты спрашиваешь?» Девочка повесила голову и натянула на лицо фальшивую улыбку: «Потому что, видимо, мне придётся». «Это тебе доктор сказал?» «Да. Совсем недавно он сказал, что вероятность не равна нулю. Нервный паралич останется как минимум». Я немного простоял, размышляя над ответом. «Будь я на твоём месте, я бы разревелся. Я бы плакался целыми днями маме, медсестре или тебе и эгоистично о чём-то просил. Думаю, если я потом всю жизнь не смогу ходить, то меня наверняка простят за эту выходку». «И правда», – сказала девочка и закивала. Как будто с каждым кивком она только сильнее со мной соглашалась. Затем она, вдруг задумавшись, подняла взгляд, потянула за мой рукав и усадила меня на кровать. Медленно подняв загипсованную ногу, чтобы заново её устроить, она схватилась за меня сзади, уткнулась лицом мне в спину и заплакала. Думаю, даже тогда я понимал природу её "эгоизма", поэтому ничего не сказал и принял его. Плакала она долго. Словно собираясь выплакать всю воду из организма. Мне не было даже десяти лет и я не знал, что могу ей сказать, поэтому продолжал молчать. Да даже в шестнадцать я не смог бы подобрать нужных слов. Когда я выписывался из больницы, та девочка сказала, что увидится со мной, когда её ноги выздоровеют, и спросила у меня адрес и номер телефона. Я хотел попросить то же самое и у неё, но решил, что сделаю это, когда она мне позвонит. И ещё подумал, что к тому времени выучу много всяких трюков. Я был гораздо оптимистичнее, чем можно было бы подумать, глядя на меня теперь. С того момента прошёл месяц, два, и я не услышал ни словечка от неё. Минус полгода, и ни одного звонка. Спустя год мне пришлось осознать, что я, скорее всего, никогда снова с ней не встречу. Она не нарушила обещание. Другими словами, её ноги просто никак не выздоравливали. Постепенно я позабыл о ней. Её существование для меня становилось всё эфемернее, достигнув стадии, когда я мог подумать: «Ах да, там же та девочка лежала», – проходя мимо большой больницы. Вскоре прошло и это: я забыл её лицо и имя, и тусклые воспоминания о лете, проведённом с ней, спрятались в глубинах моего разума.

□

По тому же холму, по которому я ехал в тот день на велосипеде, сейчас я толкал инвалидную коляску. Кое-где ржавые ограждения вдоль дороги заросли вьюнами. Тысячи цикад трещали в траве по обе стороны, и казалось, будто находишься внутри заводной игрушки. «Ты выписалась из больницы сразу после меня, Огизэ?» – спросил я. «Боюсь, не сразу, – ответила Чигуса, уставившись прямо на море вдаль. – Я вернулась в школу где-то через полгода после тебя. К тому времени мои одноклассники совершенно забыли обо мне. Для детей того возраста полгода вполне достаточно, чтобы забыть о существовании какой-то там девочки. Конечно, меня для них уже не было». «И даже интереса к "переведённой ученице" не возникло?» «Вообще никакого, – слабо улыбнулась она. – Как только я стала привязана к инвалидному креслу, возможностей завести дружбу с кем-то у меня поубавилось. Не то чтобы меня принижали из-за моего изъяна. К счастью, в Младшей школе Митсубы были преподаватели, знакомые с подобной ситуацией. ...Однако, пусть меня почти не принижали, сам факт того, что я не могла ходить, не менялся. Тем, чем они занимались друг с другом, вряд ли можно было заниматься со мной. Я не могла поучаствовать ни в одной подвижной игре, и моё кресло нужно было двигать каждый раз, когда требовалось сделать даже маленький

шажок. Девочки ненавидели не меня, а проблемы, которые возникали в общении со мной. Сперва им было любопытно, и они повсюду сопровождали меня, очарованные идеей ухода за человеком с ограниченными возможностями. Но потаскавшись со мной неделю, они устали и начали, не скрываясь, избегать меня. Все естественным образом от меня отделились». Мне было просто это представить. В моей младшей школе была девочка в инвалидном кресле, и её хоть и не ненавидели, но сторонились. Я помню, что она всегда находилась в углу класса, отчаянно цепляясь за группку тихих девочек из клуба культуры. «Тогда я описала себя в средней школе как ту, которая "кому-то и могла бы понравиться, но никогда не стала бы фавориткой", но тогда я солгала и не покраснела. Я обманула тебя, желая показаться нормальным человеком. Я настоящая не только никому не нравилась, но и была одинока, где бы ни находилась. Сотни раз на дню я думала: "Меня не должно быть здесь". В такие моменты я часто вспоминала дни, проведённые с одним мальчиком с огромной родинкой на лице, чтобы успокоить сердце. Они были символом счастья для меня. Единственным доказательством, что возможно получить изумительные воспоминания, даже будучи ограниченным. И... поэтому я так и не связалась с тобой, Фукамачи. Если бы и ты отверг меня, исчезло бы то единственное, за что я держалась. ...Однако после поступления в Первую старшую Минагисы, я увидела одно имя в списке класса». Чигуса обернулась, чтобы взглянуть на моё лицо. «Конечно же там был "Ёсуке Фукамачи". Я солгу, если скажу, что я не была рада. Оказаться в одном классе со своей первой любовью было похоже на сон. Но ещё сильнее я боялась встретиться с тобой. Ты мог и не принять меня, как тогда. Даже если бы мы могли вернуться к тем же тёплым отношениям, что и раньше, можно было даже и не надеяться на дальнейшее их развитие. Для шестнадцатилетнего парня девушка в инвалидном кресле во многом неудобна в качестве предмета обожания». Она снова повернулась вперёд и погладила ноги рукой. «Если бы только мои ноги могли двигаться, думала я. Мне не нужно было уметь свободно бегать - лишь бы только ходить вместе с остальными. Я хотела, чтобы у меня была своя любовь. ...Три месяца спустя в школе после уроков я услышала, как звонит телефон-автомат. Это было ровно пятьдесят дней назад». В конце склона заросли заканчивались, и появилось сверкающее на солнце море. Чайки, снующие около волнореза, поспешно взлетели, увидев, что мы приближаемся. «Когда я вдруг начала ходить, удивились только доктор и моя семья. Все остальные отреагировали примерно так: "О, ты, наконец, оправилась от травмы". Так вот, оказывается, видят окружающие беспокойство длиною в жизнь по отношению к пострадавшему. ...И когда мы встретились спустя десять лет, оказалось, что ты полностью забыл меня. Конечно, я могла заставить тебя вспомнить, сказав лишь, что я "та девочка, с которой ты лежал в больнице", но я решила наоборот. Я подумала, что могла бы начать с нуля. Забыть жалкую прошлую себя и начать жить жизнью среднестатистической девушки».

Достигнув края волнореза, мы молча прислушались к плеску волн. Над морем плыли кучевые облака, которые, казалось, касались вершины небес. «Скажи, Фукамачи, - произнесла Чигуса, - если девушка, сидящая рядом с тобой, оказалась бы в инвалидном кресле, как ты думаешь, ты бы относился к ней менее дружелюбно?» «Неа, - мотнул я головой. - Просто вместо того, чтобы идти рябом с тобой, я бы катил инвалидное кресло, как сегодня. Вот и вся разница». Чигуса радостно улыбнулась. «...Возможно, мне не нужно было идти ни на какое пари, и достаточно было просто сказать, что я та девочка из больничной палаты». «Скорее всего», - кивнул я. «Но так я бы не смогла обежать с тобой весь город и пробраться в бассейн, поэтому, может, я сделала правильный выбор, - она сложила руки вместе и вытянула их. - Но я бы хотела выступить на фестивале. Я даже репетировала, читая тебе». О чём-то вспомнив, Чигуса сунулась в карман и протянула мне письмо. «Я написала о том, что ты хотел узнать. Прочти его позже». Я поблагодарил её и положил письмо к себе. Потом мы подробно обсудили всё, что произошло этим летом. Как Чигуса разбудила меня, когда я заснул в первый же день учёбы. Как она проводила мне экскурсию по школе. Как она впервые в жизни ела лапшу быстрого приготовления. Как мы творили всякие шалости, чтобы сделать её плохой. Как плавали голышом в бассейне. Как сбежали ночью из

дома и вчетвером и смотрели на бесчисленное количество метеоров. Как только у нас закончились темы, Чигуса вдруг посмотрела на небо и указала туда: «Фукамачи, гляди». На небе белой линией остался след пролетевшего самолёта. Мы долго смотрели на него, замороженные. Когда же я опустил взгляд, Чигусы уже не было. Только инвалидное кресло, оставшееся без владельца. Я посмотрел под ноги. Белая пена от волн плескалась на воде. Я сел на край волнореза и смотрел, как море беззвучно поглощало её. Скоро и со мной будет так же, думал я.

<http://tl.rulate.ru/book/9410/232850>